

R. KIPLING

THE MADNESS OF PRIVATE ORTHERIS

Oh! Where would I be when my froat was dry?
Oh! Where would I be when the bullets fly?
Oh! Where would I be when I come to die?

Why,

Somewheres anigh my chum.

If 'e's liquor 'e'll give me some,

If I'm dyin' 'e'll 'old my 'ead,

An' 'e'll write 'em 'Ome when I'm dead.

Gawd send us a trusty chum!

Barrack-Room Ballad.

My friends Mulvaney and Ortheris had gone on a shooting expedition for one day. Learoyd was still in hospital, recovering from fever picked up in Burma. They sent me an invitation to join them, and were genuinely pained when I brought beer – almost enough beer to satisfy two Privates of the Line... and Me.

‘Twasn’t for that we bid you welkim, Sorr,’ said Mulvaney, sulkily. ‘Twas for the pleasure av your comp’ny.’

Ortheris came to the rescue with – ‘Well, ‘e won’t be none the worse for bringin’ liquor with ‘im. We ain’t a file o’ Dooks. We’re bloomin’ Tommies, ye cantankris Hirishman; an’ ‘eres your very good ‘ealth!’

We shot all the forenoon, and killed two pariah-

Р. КИПЛИНГ

ПРИПАДОК РЯДОВОГО ОРЗИРИСА

Пер. Е. М. Чистяковой-Вэр

Мои друзья Мельваней и Орзириис отправились однажды на охоту. Леройд был еще в госпитале, где он поправлялся после лихорадки, которую подхватил в Бирме. Они прислали мне приглашение присоединиться к ним и непритворно огорчились, что я привез с собой пива – почти в достаточном количестве, чтобы удовлетворить двух рядовых линейного полка... и меня.

– Мы не для этого приглашали вас, сэр, – хмуро проговорил Мельваней. – Мы хотели только воспользоваться удовольствием побыть в вашем обществе.

Орзириис подоспел на выручку. Он сказал:

– Ну что же. Ведь и пиво будет не лишним. Мы не утки. Мы brave солдаты, брюзга-ирландец. Ваше здоровье!

Мы охотились все утро, убили двух диких собак,

Р. КИПЛИНГ

БЕЗУМИЕ РЯДОВОГО ОРТЕРИСА

Перевод Н.Рахмановой

О чем я мечтал с пересохишим ртом?

О чем я просил судьбу под огнем?

О чем помолюсь я перед концом?

О том,

Чтоб рядом стоял дружок.

Со мной он разделит воды глоток,

Глаза по смерти закроет мне,

Домой отпишет моей родне, -

Дружка да пошлет нам бог

Казарменная баллада (Пер. Ю.Корнеева)

Мои друзья Малвени и Ортерис однажды собрались поохотиться. Лиройд все еще лежал в лазарете, оправляясь после лихорадки, которую подхватил в Бирме. Они послали за мной и не на шутку разобиделись, когда я прихватил с собой пива – в количестве почти достаточном, чтобы удовлетворить двоих рядовых линейного полка и меня.

– Мы вас не из корысти приглашали, сэр, – с укоризной сказал Малвени. – Мы ведь и так рады вас видеть.

Ортерис поспешил спасти положение:

– Ну уж, раз принес, не откажемся. Что мы с тобой за гуси такие, мы просто два пропащих томми, брюзга ты ирландская. За ваше здоровье!

Мы поохотились все утро и подстрелили двух

dogs, four green parrots, sitting, one kite by the burning-ghaut, one snake flying, one mud-turtle, and eight crows. Game was plentiful. Then we sat down to tiffin – ‘bull-mate an’ branbread,’ Mulvaney called it –by the side of the river, and took pot shots at the crocodiles in the intervals of cutting up the food with our only pocket-knife. Then we drank up all the beer, and threw the bottles into the water and fired at them. After that, we eased belts and stretched ourselves on the warm sand and smoked. We were too lazy to continue shooting.

Ortheris heaved a big sigh, as he lay on his stomach with his head between his fists. Then he swore quietly into the blue sky.

‘Fwhat’s that for?’ said Mulvaney. ‘Have ye not drunk enough?’

‘Tott’nim Court Road, an’ a gal I fancied there. Wot’s the good of sodgerin’?’

‘Orth’ris, me son,’ said Mulvaney, hastily, ‘tis more than likely you’ve got throuble in your inside wid the beer. I feel that way mesilf whin my liver gets rusty.’

Ortheris went on slowly, not heeding the interruption –

‘I’m a Tommy – a bloomin’, eight-anna, dog-stealin’ Tommy, with a number instead of a decent name. Wot’s the good o’ me? If I ‘ad a stayed at ‘Ome, I might a married that gal and a kep’ a little shorp in the ‘AmmerSmith ‘Igh. – “S.Orth’ris, Practi-cal Taxi-der-mist.” With a stuff’ fox, like they ‘as in the Haylesbury Dairies, in the winder, an’ a little case of blue and yaller glass-heyas, an’ a little wife to call “shorp!” “shorp!” when the doorbell rung. As

четырёх зеленых попугаев, одного коршуна около места, где сжигают трупы, одну удиравшую от нас змею, одну болотную черепаху и восемь ворон. Дичи было много. Потом мы сели позавтракать «мясом и черным хлебом», как выразился Мельваней, на берегу реки. Мы обходились единственным складным ножом и в промежутках стреляли, не целясь, в крокодилов. После этого мы выпили все пиво, побросали бутылки в воду и стреляли также по ним. Наконец, распустив пояса, мы разлеглись на теплом песке и стали курить. Нам было лень стрелять. Орзирис глубоко вздохнул, лежа на животе и подперев голову руками. Потом преспокойно выругался в голубое небо.

– Чего ты, – спросил Мельваней, – или мало выпил?

– Мне пригрезилась Тотнимская дорога, а на ней девчонка. Что хорошего – тянуть лямку солдата?

– Орзирис, дитя мое, – поспешно сказал Мельваней, – должно быть, ты расстроил себе желудок пивом. Я чувствую то же, когда печенка начинает бунтовать.

Орзирис продолжал медленно, не обращая внимания на то, что его прервали:

– Я – Томми здоровенный, стоящий восемь анна, ворующий собак, Томми с номером вместо личного имени. А какой во мне толк? Останься я дома, я бы мог жениться на той девушке и держать лавочку на Химмерсмитской улице: «Орзирис, препарат чучел», с лисицами на окнах, как зимой в Хайльсберийской молочной, и маленьким ящичком желтых и голубых стеклянных глаз, и с маленькой женой, которая звала бы в лавку, когда зазвонит колокольчик у двери. А теперь я только

одичавших собак, четырех мирно сидевших на ветке зеленых попугаев, одного коршуна около площадки, где сжигали трупы, одну удиравшую от нас змею, одну речную черепаху и восемь ворон. Добыча была богатая. Гордые, мы уселись на берегу реки перекусить воловьим мясом и солдатским хлебом, как выразился Малвени, и, в ожидании очереди на единственный имевшийся у нас складной нож, постреливали наугад по крокодилам... Выпив все пиво, мы побросали бутылки в воду и открыли по ним пальбу. Потом ослабили пояса, растянулись на теплом песке и закурили. Продолжать охотиться нам было лень.

Ортерис, лежа на животе и подперев голову кулаками, испустил тяжелый вздох. Потом тихо выругался в пространство.

– С чего это? – спросил Малвени. – Недопил, что ли?

– Вспомнил Тоттенхем-Корт-роуд и одну девчонку в тех краях. Здорово она мне нравилась. Эх, проклятая жизнь солдатская!

– Ортерис, сынок, – торопливо перебил его Малвени, – не иначе, ты расстроил себе нутро пивом. У меня у самого так бывает, когда печенка бунтует.

Ортерис, пропустив мимо ушей слова Малвени, медленно продолжал:

– Я томми, пропащий томми, томми за восемь ан, воруяга-собачник Томми с номером взамен порядочного имени. Какой от меня прок? А останься я дома – женился бы на той девчонке и держал бы лавочку на Хэммерсмит Хай: «С.Ортерис, набивает чучела». В окошке у меня была бы выставлена лисица, как на Хейлсбери в

it, I'm on'y a Tommy – a Bloomin', Gawdforsaken, Beer-swillin' Tommy. "Rest on your harms – 'versed. Stan' at – hease; 'Shun. 'Verse – harms. Right an' lef' – tarn . Slow – march. 'Alt – front. Rest on your harms – versed'. With blank-cartridge – load" An' that's the end o'me.' He was quoting fragments from Funeral Parties' Orders.

'Stop ut!' shouted Mulvaney. 'Whin you've fired into nothin' as often as me, over a better man than yoursilf, you will not make a mock av thim orders. 'Tis worse than whistlin' the *Dead March* in barracks. An' you full as a tick, an' the sun cool, an' all an' all! I take shame for you. You're no better than a Pagine – you an' your firin' parties an' your glass-eyes. Won't stop ut, Sorr?'

What could I do? Could I tell Ortheris anything that he did not know of the pleasures of his life? I was not a Chaplain nor a Subaltern, and Ortheris had a right to speak as he thought fit.

'Let him run, Mulvaney,' I said. 'It's the beer.' 'No! 'Tisn't the beer,' said Mulvaney. 'I know fwat's comin'. He's tuk this way now an' agin, an' it's bad – it's bad – for I'm fond av the bhoy.'

Indeed, Mulvaney seemed needlessly anxious; but I knew that he looked after Ortheris in a fatherly way.

'Let me talk, let me talk,' said Ortheris, dreamily. 'D'you stop your parrit screamin' of a 'ot day, when the cage is a-cookin' 'is pore little pink toes orf, Mulvaney?' 'Pink toes! D'ye mane to say you've pink toes undher your bullswools, ye blandanderin','- Mulvaney gathered himself together for a terrific denunciation –

Томми, проклятый, забытый Богом, тянущий пиво Томми. «Смирно! Вольно! Тихо – марш! Стой! Холостым зарядом пли!» И все кончено.

Он выкрикивал отрывки команды при погребении.

– Стой! – крикнул Мельваней. – Если бы ты стрелял в воздух так же часто, как я, над могилой людей получше тебя самого, так не стал бы смеяться над такой командой. Это хуже, чем насвистывать похоронный марш в казармах. Налился, как мех, и солнце не дает прохлады, и все одно к одному. Стыдно за тебя. Ты не лучше язычника со всеми своими охотами и стеклянными глазами. Да уймите его, сэр!

Что я мог сделать? Разве я мог указать Орзирису на какие-либо радости его жизни, которых он не знал? Я не капеллан и не субалтерн, а Орзирис имел полное право говорить, что ему вздумается.

– Оставьте его в покое, Мельваней, – сказал я. – Это пиво.

– Нет, не пиво, – отвечал Мельваней. – Я знаю, что начинается. На него это находит временами; плохо это, очень плохо, потому что я люблю малого.

На самом деле, казалось, что Мельваней напрасно опасался, но я знал, что он по-отечески относился к Орзирису.

– Не мешайте мне, – в полузабытьи говорил Орзирис. – Разве ты остановишь своего попугая, когда он кричит в жаркий день от того, что клетка жжет его маленькие розовые пальчики, Мельваней?

– Розовые пальчики! У тебя, что ли, розовые пальчики под буйволовой шерстью, неженка? – Мельваней собрался с духом, чтобы обрушиться на

молодой, имелся бы ящичек с голубыми и желтыми стеклянными глазами, и женушка звала бы: «В лавку! В лавку!» – когда зазвонит дверной колокольчик. А теперь я просто томми, пропащий, забытый богом, дующий пиво томми. «К ноге – кругом – вольно! Смирно! Приклады вверх! Первая шеренга напра-, – вторая налево! Шагом марш! Стой! К ноге! Кругом! Холостыми заряжай!» И мне конец.

Ортерис выкрикивал обрывки команд погребальной церемонии.

– Заткнись! – заорал Малвени. – Палил бы ты над могилами хороших людей, сколько мне приходилось, так не повторял бы попусту этих слов! Это хуже, чем похоронный марш в казармах свистеть. Налился ты до краев, солнце не жарит – чего тебе еще надо? Стыдно мне за тебя. Ничуть ты не лучше язычника – команды всякие, глаза стеклянные, видишь ли... Можете вы урезонить его, сэр?

Что я мог поделаться? Разве мог указать Ортерису на какие-то прелести солдатской жизни, о которых он сам бы не знал? Я не капеллан и не субалтерн, а Ортерис имел полное право говорить что вздумается.

– Пусть его, Малвени, – сказал я. – Это все пиво.

– Нет, не пиво! – возразил Малвени. – Уж я-то знаю, что будет. На него уже накатывало это, ох, как худо, кому и знать, как не мне, – я ведь парня люблю.

Мне опасения Малвени показались необоснованными, но я знал, что он по-отечески заботится об Ортерисе.

‘schoolmistress! Pink toes! How much Bass wid the label did that ravin’ child dhrink?’

‘‘Tain’t Bass,’ said Ortheris. ‘It’s a bitterer beer nor that. It’s ‘ome-sickness!’

‘Hark to him! An’ he goin’ Home in the in the inside av four months!’

‘I don’t care. It’s all one to me. ‘Ow d’you know I ain’t ‘fraid o’ dyin’ ‘for I gets my discharge paipers?’ He recommenced, in a sing-song voice, the Orders.

I had never seen this side of Ortheris’ character before, but evidently Mulvaney had, and attached serious importance to it. While Ortheris babbled, with his head on his arms, Mulvaney whispered to me –

‘He’s always tuk this way whin he’s been checked overmuch by the childher they make Sarjints nowadays. That an’ havin’ nothin’ to do. I can’t make ut out anyways.’

‘Well, what does it matter? Let him talk himself through.’

Ortheris began singing a parody of ‘The Ramrod Corps,’ full of cheerful allusions to battle, murder, and sudden death. He looked out across the river as he sang; and his face was quite strange to me. Mulvaney caught me by the elbow to insure attention.

‘Matther? It matthers everything! ‘Tis some sort av fit that’s on him. I’ve seen ut. ‘Twill hould him all this night, an’ in the middle av it he’ll get out av his cot an’ go rakin’ in the rack for his ‘coutremints. Thin he’ll come over to me an’ say, “I’m goin’ to Bombay. Answer for me in the mornin’.” Thin me

него. – Школьная учительница. Розовые пальчики. Сколько бутылок с ярлыком Баса выдуло это бредящее дитяtko?

– Это – не Бас, – сказал Орзирис. – Это – пиво покрепче. Это тоска по родине.

– Послушай его! Разве он не отправится через четыре месяца домой в шерापисе?

– Мне все равно. Все одно. Откуда ты знаешь, что я не боюсь умереть прежде, чем получу отпускной билет? – И он снова, нараспев, начал выкрикивать команду.

Мне никогда не приходилось наблюдать Орзириса в таком состоянии, но для Мельваней это, очевидно, не было новостью, и он придавал происходившему серьезное значение. Пока Орзирис бормотал, схватившись за голову, Мельваней шепнул мне:

– С ним это всегда бывает, когда уж слишком его муштруют эти младенцы, которых теперь делают сержантами. Нечего им делать. Иначе не могу объяснить.

– Ну что же. Ничего страшного. Пусть выскажется.

Орзирис начал петь пародию на песню «Рамдорский корпус», полную намеков на битвы, убийства и внезапную смерть. Мельваней схватил меня за локоть, чтобы обратить мое внимание.

– Ничего страшного. Очень страшно. С ним, так сказать, припадок. Уж я заранее знал. Всю ночь промучит его, а посреди ночи он вскочит с койки и пойдет искать свою одежду. Потом придет ко мне и скажет: «Еду в Бомбей. Ответь за меня на утренней переключке». Тогда я начну бороться с ним, как и прежде, он будет стараться убежать, а я

– Не мешайте, дайте душу излить, – как будто в полузабытьи произнес Ортерис. – Малвени, ты разве запретишь твоему попугаю орать в жаркий день, когда клетка ему розовые лапки жжет?

– Розовые лапки! Это у тебя, что ли, розовые лапки, буйвол? Ах ты, – Малвени весь собрался, готовясь к сокрушительной отповеди, – ах ты слабонервная девица! Розовые лапки! Сколько бутылок с ярлыком Басса выдуло наше сбесившееся дитяtko?

– Басс ни при чем, – возразил Ортерис. – Тут кое-что погорчее. Тоска у меня, домой хочу!

– Нет, вы слышите! Да он поплывет домой в мундире без погон не позже, как через четыре месяца!

– Ну и что? Все едино! Почем ты знаешь, может, я боюсь сдохнуть раньше, чем получу увольнительные бумаги.

Он опять принялся нараспев повторять погребальные команды.

С этой стороны характера Ортериса я еще не был знаком, однако для Малвени она, очевидно, не была новостью, и он относился к происходившему весьма серьезно. Пока Ортерис бормотал, уронив голову на руки, Малвени шепнул мне:

– С ним всегда этак бывает, когда его допекут младенцы, из которых нынче сержантов делают. Да и от безделья бесится. Иначе от чего еще – ума не приложу.

– Ну и что тут страшного? Пусть выговорится.

Ортерис начал петь веселенькую пародию на «Шомпольный корпус», полную убийств, сражений и внезапных смертей. При этом он глядел за реку, и лицо его показалось мне чужим.

an' him will fight as we've done before – him to go an' me to hould him – an' so we'll both come on the books for disturbin' in barricks. I've belted him, an' I've bruk his head, an' I've talked to him, but 'tis no manner av use whin the fit's on him. He's as good a bhoy as ever stepped whin his mind's clear. I know fwat's comin', though, this night in barricks. Lord send he doesn't loose on me whin I rise to knock him down. 'Tis that that's in my mind day an' night.'

This put the case in a much less pleasant light, and fully accounted for Mulvaney's anxiety. He seemed to be trying to coax Ortheris out of the fit; for he shouted down the bank where the boy was lying –

'Listen now, you wid the "pore pink toes" an' the glass-eyes! Did you shwim the Irriwaddy at night, behin' me, as a bhoy shud; or were you hidin' under a bed, as you was at Ahmid Kheyl?'

This was at once a gross insult and a direct lie, and Mulvaney means it to bring on a fight. But Ortheris seemed shut up in some sort of a trance. He answered slowly, without a sign of irritation, in the same cadenced voice as he had used for his firing-party orders –

'Hi swum the Irriwaddy in the night, as you know, for to take the town of Lungtungpen, naked an' without fear. where I was at Ahmed Kheyl you know, and four bloomin' Pathans know too. But that was summat to do, an' I didn't think o' dyin'. Now I'm sick to go 'Ome – go 'Ome – go 'Ome! No, I ain't mammalsick, because my uncle brung me up, but I'm sick for London again; sick for the sounds of

стану его удерживать, и оба, таким образом, попадем в штрафную книгу за нарушение тишины в казармах. Я уже и хлестал его, и голову ему разбивал, и уговаривал его, но, когда на него находит припадок, все бесполезно. Он славный парень, когда в своем уме. Но я знаю уже, что будет сегодня ночью в казармах. Дай только Бог, чтобы он не набросился на меня, когда я встану, чтобы сбить его с ног. Вот чего я боюсь и денно и ночью.

Это придавало делу значительно менее приятный оттенок и вполне объясняло тревогу Мельваней. Он, казалось, хотел успокоить припадок Орзириса, задоблив его, и крикнул ему на берег, где тот лежал:

– Эй ты, с розовыми пальчиками и стеклянными глазами, послушай! Переплывал ты Ирравади позади меня, как подобает молодцу, или прятался под постель, когда был под Ахмед-Кхейлем?

Это было в одно и то же время и большим оскорблением, и ложью, и Мельваней хотел, по видимому, вызвать спор. Но на Орзириса как бы нашло что-то вроде столбняка. Он отвечал медленно, без признака раздражения, тем же размеренным тоном, каким выкрикивал команду:

– Он переплыл, как вам известно, Ирравади нагишом, чтобы взять город Ленгтенгпен, и не боялся. Где я был под Ахмед-Кхейлем, ты знаешь, и четыре проклятых патана тоже знают. Но надо было показать пример, и я не думал о смерти. Теперь же я рвусь домой, домой. Я тоскую не по матери, потому что меня воспитал дядя, но хочется опять увидеть Лондон; тоскую по его звукам, по его улицам, по его вони, по запаху апельсиновых

Малвени сжал мне локоть, чтобы надежнее привлечь внимание.

– Что страшного? Да все! С ним вроде припадка. Я уже видал, все наперед знаю. Посреди ночи вскочит он с койки и пойдет к пирамиде свое оружие шарить. Потом подкрадется ко мне и скажет: «Еду в Бомбей. Ответь за меня на утренней перекличке». Тут мы с ним бороться начнем, не раз так бывало, он – чтоб сбежать, а я – чтоб его удержать, и оба угодим в штрафную книгу за нарушение тишины в казармах. Уж я его и ремнем лупил, и башку расшибал, и уговаривал, но когда на него найдет – все без толку. А ведь когда мозги у него в порядке, лучше парня не сыщешь. И ночка же сегодня будет!.. Только бы он в меня не стрелянул, когда я подыматься буду, чтоб его с ног сбить. Вот о чем я молю денно и ночью.

Этот рассказ представил дело в менее приятном свете и вполне объяснил тревогу Малвени. Он попытался было вывести Ортериса из припадка и громко крикнул (тот лежал поодаль):

– Эй ты, бедняга с розовыми лапками и стеклянными глазками! Переплывал ты Иравади ночью, как подобает мужчине, или прятался под кроватью, как в тот раз при Ахмед-Кхеле?

Это было одновременно грубое оскорбление и заведомая ложь – Малвени явно затевал ссору. Но на Ортериса словно столбняк нашел. Он ответил медленно, без всякого раздражения, тем же размеренно-певучим голосом, каким выкрикивал погребальные команды:

– Сам знаешь, я переплывал Иравади ночью, когда город Лангтангпен брали, нагишом переплывал и ничего не боялся. А где я был при

'er, an' the sights of 'er, and the stinks of 'er; orange-peel and hasphalte an' gas comin' in over Vaux'all Bridge. Sick for the rail goin' down to Box'ill, with your gal on your knee an' a new clay pipe in your face. That, an' the Stran' lights where you knows ev'ry one, an' the Copper that takes you up is a old friend that tuk you up before, when you was a little, smitchy boy lying loose 'tween the Temple an' the Dark Harches. No bloomin' guard-mountin', no bloomin' rotten-stone, nor khaki, an' yourself your own master with a gal to take an' see the Humaners practisin' a-hookin' dead corpses out of the Serpentine o' Sundays. An' I lef' all that for to serve the Widder beyond the seas, where there ain't no women and there ain't no liquor worth 'avin', and there ain't nothin' to see, nor do, nor say, nor feel, nor think. Lord love you, Stanley Orth'ris, but you're a bigger bloomin' fool than the rest o' the reg'ment and Mulvaney wired together! There's the Widder sittin' at 'Ome with a gold crown on 'er 'ead; and 'ere am Hi, Stanley Orth'ris, the Widder's property, a rottin' FOOL!

His voice rose at the end of the sentence, and he wound up with a six-shot Anglo-Vernacular oath. Mulvaney said nothing, but looked at me as if he expected that I could bring peace to poor Ortheris' troubled brain.

I remembered once at Rawal Pindi having seen a man, nearly mad with drink, sobered by being made a fool of. Some regiments may know what I mean. I hoped that we might slake off Ortheris in the same way, though he was perfectly sober. So I said –

'What's the use of grouching there, speaking

корок, асфальта и газа, тоскую по железной дороге в Боксхилл – проехать бы по ней с новой глиняной трубкой в зубах. Тоскую о фонарях на Стренде, где каждого человека знаешь, и о старом друге Коппере, который принимает тебя, как принимал прежде, когда ты мальчишкой терялся между собором и темными арками. Нет ни проклятого стояния на часах, ни проклятых изъеденных камней, ни хаки; там ты сам себе хозяин и можешь по воскресеньям ходить и в балаган и в театры. И все это я оставил, чтобы служить «Вдове» за морем, где даже нет ничего порядочного, чтобы выпить, не на что посмотреть, нечего делать, нечего чувствовать, нечего думать. Господь с тобой, Стэнли Орзирис, но только ты еще глупее всех прочих в полку, в том числе и Мельваней. Вот там, на родине, сидит «Вдова» в золотой короне на голове, а здесь он, рядовой Орзирис, собственность «Вдовы», дурак и тряпка.

В конце монолога голос его зазвучал громче, и он закончил шестиэтажной англо-туземной бранью. Мельваней не сказал ничего, но посмотрел на меня, как будто ожидая, что я принесу успокоение возбужденному мозгу бедного Орзириса.

Я вспомнил, что однажды видел в Раваль-Пинди человека, допившегося до белой горячки, которого отрезвили тем, что подняли на смех. Я подумал, что, может быть, нам удастся таким образом успокоить и Орзириса, хотя он был совершенно трезв. Поэтому я сказал:

– Какая польза лежать здесь и болтать глупости о королеве?

– Упаси Бог, чтобы я говорил что-нибудь против нее, – заявил Орзирис, – да и не стал бы, если бы

Ахмед-Кхеле, ты тоже знаешь, и еще четыре проклятущих патана знают. Но тогда был крайний случай, про смерть я и не думал. А теперь я стосковался по дому, и все тут! Не то чтобы я к мамочке хотел – меня дядя вырастил, – нет, я по Лондону стосковался. По всяким там его звукам, по знакомым местам, по вонии лондонской. Под Воксхолл-бриджа всегда апельсиновой кожурой, асфальтом и газом пахнет. Проехать бы по железной дороге в Боксхилл с девчонкой на коленях и с новенькой глиняной трубкой в зубах. А огни на Стрэнде! Всех-то ты знаешь в лицо, и фараон – твой старый друг, подберет тебя пьяного, как бывало, подбирали раньше, когда ты еще грязным мальчишкой валялся под темными арками неподалеку от Темпла. Ни тебе караула, будь он проклят, ни тебе раскошенных скал, ни тебе хаки, – ты сам себе хозяин, глазами со своей девчонкой на то, как Общество спасения вылавливает уопленников из Серпентайна по воскресным дням. И все-то я оставил, чтобы служить Вдове за морем, а тут и баб нет, и выпивки путной нет, и смотреть не на что, делать нечего, говорить не о чем, чувствовать нечего и думать не о чем. Господь с тобой, Стэнли Ортерис, ты глупей всех дураков в полку, считая и Малвени! Вдова сидит себе дома в золотой короне, а ты торчишь тут, Стэнли Ортерис, собственность Вдовы, отпетый болван!

Он повысил к концу голос и завершил монолог шестиэтажной англо-туземной бранью. Малвени промолчал, но бросил на меня взгляд, словно призывая внести покой во взбудораженную душу Ортериса.

Я вспомнил, как однажды на моих глазах в

against The Widow?»

‘I didn’t!’ said Ortheris. ‘S’elp me, Gawd, I never said a word agin ‘er, an’ I wouldn’t – not if I was to desert this minute!’

Here was my opening. ‘Well, you meant to, anyhow. What’s the use of cracking-on for nothing? Would you slip it now if you got the chance?’

‘On’y try me!’ said Ortheris, jumping to his feet as if he had been stung.

Mulvaney jumped too. ‘Fwhat are you going to do?’ said he.

‘Help Ortheris down to Bombay or Karachi, whichever he likes. You can report that he separated from you before tiffin, and left his gun on the bank here!’

‘I’m to report that – am I?’ said Mulvaney, slowly. ‘Very well. If Orth’ris manes to desert now, and will desert now, an’ you, Sorr, who have been a frind to me an’ to him, will help him to ut, I, Terence Mulvaney, on my oath which I’ve never bruk yet, will report as you say. But –’ here he stepped up to Ortheris, and shook the stock of the fowlin-piece in his face – ‘your fistes help you, Stanley Orth’ris, if ever I come across you agin!’

‘I don’t care!’ said Ortheris. ‘I’m sick o’ this dorg’s life. Give me a chanst. Don’t play with me. Le’ me go!’

‘Strip,’ said I, ‘and change with me, and then I’ll tell you what to do.’ I hoped that the absurdity of this would check Ortheris; but he had kicked off his ammunition-boots and got rid of his tunic almost before I had loosed my shirtcollar. Mulvaney gripped me by the arm –

мог дезертировать сию минуту.

Тут я выступил решительно:

– Да, но вы все же кое-что бормотали про нее. Какая же польза ворчать по пустякам? Убежали бы вы теперь, если бы представился случай?

– Вот посмотрите, – сказал Орзирис, вскакивая, будто ужаленный.

Мельваней тоже вскочил.

– Что вы хотите сделать? – спросил он.

– Помочь Орзирису добраться до Бомбея или Карачи – куда ему угодно. Вы можете сказать, что расстались с ним до завтрака, и он оставил свое ружье здесь, на берегу.

– Это я должен сказать? – медленно спросил Мельваней. – Хорошо. Если Орзирис намеревается бежать, и хочет бежать теперь, а вы, сэр, бывший его и моим другом, хотите помочь ему, то я, Теренс Мельваней, клянусь, что отрапортую так. Только, – тут он подошел к Орзирису и потряс своей винтовкой перед его лицом, – смотри, Стенли Орзирис, если попадешься мне когда на дороге, выручат ли тебя твои кулаки.

– Мне все равно. Поменяемся платьем, а потом я вам скажу, что делать.

Я надеялся, что нелепость такого предложения озадачит Орзириса, но он сбросил свои форменные сапоги и китель, прежде чем я успел расстегнуть ворот рубашки. Мельваней схватил меня за руку.

– Он в припадке, припадок еще не прошел. Клянусь честью и душой, ведь мы будем считаться потакателями дезертирству. Подумайте о позоре, о черном позоре для меня и него!

Никогда я не видел Мельванея таким взволнованным.

Равалпинди человека, допившегося до белой горячки, отрезвили, подняв его на смех. В некоторых полках поймут, что я имею в виду. Я подумал, что не удастся ли и нам таким же способом отрезвить Ортериса, хотя он и был совершенно трезв. Поэтому я сказал:

– Какая польза ворчать и бранить Вдову?

– Не думал я ее бранить! – отозвался Ортерис.

– Упаси бог, чтобы я сказал про нее что плохое, – никогда, если б даже мог сию минуту дать деру.

Я воспользовался удобным моментом.

– Какой толк зря болтать языком? Ну, скажите честно – удрали бы вы прямо сейчас, представься вам случай?

– Ого, еще как! – выпалил Ортерис, вскакивая как ужаленный.

Малвени тоже вскочил.

– Что это вы задумали?

– Помочь Ортерису добраться до Бомбея или до Карачи, куда он пожелает. А вы доложите, что он ускользнул от вас до завтрака, оставив ружье на берегу.

– Мне придется это доложить? – с расстановкой произнес Малвени. – Ладно. Раз уж Ортериса не отговорить, а вы, сэр, друг ему и мне, держите его сторону, то я, Теренс Малвени, клянусь доложить, как вы велите, а я своих клятв не нарушаю. Но так и знай, – он подступил к Ортерису и потряс перед его носом охотничьим ружьем, – попадешься мне еще на дороге – готовь кулаки!

– Будь что будет! – проговорил Ортерис. – Отошнела собачья жизнь. Помогите, сэр. Не дурачьте меня. Дайте мне удрасть!

– Раздевайтесь! – приказал я. – Поменяемся

‘The fit’s on him: the fit’s workin’ on him still! By my Honour and Sowl, we shall be accessiry to a desartion yet. Only, twenty-eight days, as you say, Sorr, or fifty-six, but think o’ the shame – the black shame to him an’ me!’ I had never seen Mulvaney so excited.

But Ortheris was quite calm, and, as soon as he had exchanged clothes with me, and I stood up a Private of the Line, he said shortly, ‘Now! Come on. What nex’? D’ye mean fair. What must I do to get out o’ this ‘ere a-Hell?’

I told him that, if he would wait for two or three hours near the river, I would ride into the Station and come back with one hundred rupees. He would, with that money in his pocket, walk to the nearest side-station on the line, about five miles away, and would there take a first-class ticket for Karachi. Knowing that he had no money on him when he went out shooting, his regiment would not immediately wire to the seaports, but would hunt for him in the native villages near the river. Further, no one would think of seeking a deserter in a first-class carriage. At Karachi, he was to buy white clothes and ship, if he could, on a cargo-steamer.

Here he broke in. If I helped him to Karachi, he would arrange all the rest. Then I ordered him to wait where he was until it was dark enough for me to ride into the Station without my dress being noticed. Now God in His Wisdom has made the heart of the British Soldier, who is very often an unlicked ruffian, as soft as the heart of a little child, in order that he may believe in and follow his officers into tight and nasty places. He does not so

Но Орзирис был совершенно спокоен, когда он поменялся платьем со мной, и, когда я преобразился в рядового линейного полка, он сказал отрывисто:

– Ну что же дальше? Вы хотите помочь мне? Что мне делать, чтобы выбраться из этого ада?

Я сказал ему, что, если он подождет часа два-три у реки, я съезжу на станцию и вернусь с сотней рупий. Он с деньгами в кармане может отправиться на железнодорожную станцию, милях в пяти отсюда, и взять билет первого класса до Карачи. Зная, что у него не было денег с собой, когда он отправлялся на охоту, из полка не станут немедленно телеграфировать в приморские порты, а будут гоняться за ним по селам на реке. Во-вторых, никому и в голову не придет искать дезертира в вагоне первого класса. В Карачи я посоветовал ему купить белый костюм и, если окажется возможным, сесть на грузовой пароход.

Здесь он прервал меня и заявил, что, если я только помогу добраться ему до Карачи, все остальное он устроит уже сам. Я посоветовал ему подождать на месте, пока стемнеет настолько, чтобы я мог проехать на станцию, не обратив на себя внимания своим костюмом. Господь в Своей премудрости вложил в грудь британского солдата, часто неотесанного негодяя, сердце мягкое, как сердце ребенка, благодаря чему он верит своему офицеру и идет за ним в огонь и в воду. Не так легко ему довериться «штатскому», но раз поверив ему, он верит беспрекословно, как собака. Моя дружба с рядовым Орзирисом продолжалась с перерывами уже три года, и мы были с ним на равной ноге. Поэтому он принимал все мои слова

одеждой, тогда я скажу, что делать дальше.

Я надеялся, что нелепость моего предложения образумит Ортериса, но он скинул сапоги и мундир едва ли не быстрее, чем я расстегнул ворот рубашки. Малвени схватил меня за руку.

– Он в припадке, сэр, припадок-то еще не прошел. Клянусь честью и душой, нас с вами еще притянут за соучастие в дезертирстве. Подумайте, сэр, двадцать восемь дней нам дадут или пятьдесят шесть, все равно позор – черный позор для него и для меня!

Я никогда не видел Малвени таким взволнованным.

Ортерис, однако, не терял спокойствия; едва мы успели поменяться одеждой и я преобразился в рядового линейного полка, он отрывисто сказал:

– Так! Продолжайте! Что дальше? Давайте начистоту: что мне делать, чтоб спастись из здешней преисподней?

Я сказал ему, что если он подождет два-три часа у реки, я съезжу верхом в пост и привезу сотню рупий. С этими деньгами он дойдет до ближайшей маленькой станции миль за пять отсюда и там возьмет билет первого класса до Карачи. Зная, что на охоту он ушел без денег, из полка не сразу телеграфируют в приморские порты, а сперва поищут его по туземным деревушкам вдоль реки. А там никому в голову не придет искать дезертира в вагоне первого класса. В Карачи он купит белую пару и постарается сесть на торговый пароход.

Здесь он меня прервал. Ему бы только добраться до Карачи, а дальше он справится сам. Я велел ему дожидаться, не сходя с места, пока стемнеет настолько, что я смогу съездить в

readily come to believe in a ‘civilian,’ but, when he does, he believes implicitly and like a dog. I had had the honour of the friendship of Private Ortheris, at intervals, for more than three years, and we had dealt with each other as man by man. Consequently, he considered that all my words were true, and not spoken lightly.

Mulvaney and I left him in the high grass near the river-bank, and went away, still keeping to the high grass, towards my horse. The shirt scratched me horribly.

We waited nearly two hours for the dusk to fall and allow me to ride off. We spoke of Ortheris in whispers, and strained our ears to catch any sound from the spot where we had left him. But we heard nothing except the wind in the plume-grass.

‘I’ve bruk his head,’ said Mulvaney, earnestly, ‘time an’ agin. I’ve nearly kilt him wid the belt, an’ I can’t knock thim fits out av his soft head. No! An’ he’s not soft, for he’s reasonable an’ likely by natur’. Fwhat is ut? Is ut his breedin’ which is nothin’, or his edukashin which he niver got? You that think ye know things, answer me that.’

But I found no answer. I was wondering how long Ortheris, in the bank of the river, would hold out, and whether I should be forced to help him to desert, as I had given my word.

Just as the dusk shut down and, with a very heavy heart, I was beginning to saddle up my horse, we heard wild shouts from the river.

The devils had departed from Private Stanley Ortheris, No. 22639, B Company. The loneliness, the dusk, and the waiting had driven them out as I

за чистую монету и не считал их брошенными на ветер.

Мы с Мельванеем оставили его в высокой траве, на берегу, и, все придерживаясь зарослей, направились к моей лошади. Рубашка страшно царапала меня.

Пришлось ждать около двух часов, пока начали спускаться сумерки и я смог уехать. Мы говорили об Орзирисе шепотом и напрягали слух, чтобы уловить какой-нибудь звук с того места, где оставили его. Но не было слышно ничего, кроме шелеста ветра в тростнике.

– Я разбивал ему не раз голову, до полусмерти хлестал его ремнем и все никак не мог выбить этих приступов из его глупой башки, – сказал Мельваней. – Да он ведь, в сущности, не глуп и от природы благоразумный и любящий человек. Кто виноват? Происхождение ли – Бог вещь, кто он. Или воспитание, которого он не получил. Вы считаете себя ученым; ответьте мне на этот вопрос.

Но я не находил ответа. Я только спрашивал себя, сколько времени Орзирис выдержит на берегу реки, и следует ли мне, в самом деле, способствовать его побегу, как я обещал.

Когда стемнело и я с тяжелым сердцем принялся седлать коня, мы услышали, что он зовет нас с реки.

Бес вышел из рядового Стенли Орзириса, № 22639, роты В; вероятно, его выгнали одиночество, сумерки и ожидание. Мы поспешно направились к нему и застали его шагающим по траве, без сюртука – моего сюртука, разумеется. Он звал нас, как сумасшедший.

Когда мы подошли к нему, пот катился с него

поселок, не привлекая внимания моим костюмом. Надо сказать, что господь в своей премудрости вложил в грудь британского солдата, зачастую неотесанного скота, детски доверчивое сердце, чтобы он верил своим офицерам и шел за ними в огонь и воду. Далеко не с такой легкостью он доверяется гражданским лицам, но, раз поверив, верит уже свято, как собака. Я имел честь пользоваться дружбой рядового Ортериса с перерывами более трех лет, и дружба наша была по-мужски честной и прямой. Поэтому он не сомневался, что все, сказанное мною, чистая правда, а не просто слова, брошенные на ветер.

Мы с Малвени оставили его в высокой траве на берегу и, прячась в зарослях, направились к моей лошади. Солдатская рубаха немилосердно царапала мне кожу.

До сумерек пришлось ждать около двух часов. Мы разговаривали об Ортерисе шепотом и напрягали слух, чтобы уловить какие-нибудь звуки с той стороны, где он находился. Но не слышали ничего, кроме ветра, свистевшего в высокой траве.

– Сколько я его лупил, – горячо сказал Малвени, – раз чуть до смерти не зашиб. Ну, никак из его безмозглой башки помрачения не выбить. Хоть ты тресни! И ведь нельзя сказать, чтобы он от природы был безмозглый, так-то он толковый и покладистый. В чем тут причина? То ли в воспитании дело – ведь его никто не воспитывал. То ли в образованности – ее и в помине нет. Вот вы человек ученый, ответьте-ка!

Но мне было не до ответа. Я размышлял, сколько еще продержится Ортерис на берегу, и неужели я все-таки буду вынужден сдержать слово

had hoped. We set off at the double and found him plunging about wildly through the grass, with his coat off – my coat off, I mean. He was calling for us like a madman.

When we reached him he was dripping with perspiration, and trembling like a startled horse. We had great difficulty in soothing him. He complained that he was in civilian kit, and wanted to tear my clothes off his body. I ordered him to strip, and we made a second exchange as quickly as possible.

The rasp of his own ‘grayback’ shirt and the squeak of his boots seemed to bring him to himself. He put his hands before his eyes and said –

‘Wot was it? I ain’t mad, I ain’t sunstrook, an’ I’ve bin an’ done an’ said, and bin an’ gone an’ done... ‘ave I bin an’ done?’

‘Fwhat have you done?’ said Mulvaney. ‘You’ve dishgraced yourself – though that’s no matter. You’ve dishgraced B Comp’ny, an’, worst av all, you’ve dishgraced Me that taught you how for to walk abroad like a man – whin you was a dhirty little, fish-backed little, whimperin’ little recruity. As you are now, Stanley Orth’ris!’

Ortheris said nothing for a while. Then he unslung his belt, heavy with the badges of half a dozen regiments that his own had lain with, and handed it over to Mulvaney.

‘I’m too little for to mill you, Mulvaney,’ said he, ‘an’ you’ve strook me before; but you can take an’ cut me in two with this ‘ere if you like.’

Mulvaney turned to me.

‘Lave me to talk to him, Sorr,’ said Mulvaney.

I left, and on my way home thought a good deal

градом, и он дрожал, как испуганная лошадь. Нам с трудом удалось успокоить его. Он жаловался на то, что на нем штатское платье, и пытался сорвать его с себя. Я приказал ему раздеться, и мы в одну секунду совершили второй обмен.

Шорох его собственной рубашки и скрип его сапог, по-видимому, привели его в себя. Он закрыл лицо руками и спросил:

– Что это было? Я не сошел с ума, у меня не было солнечного удара, а только я был не в себе; не помню, что делал и говорил... Что я такое делал и говорил?

– Что ты делал? – сказал Мельваней. – Ты опозорил себя; впрочем, это неважно. Ты опозорил роту В, а хуже всего, опозорил меня. Меня, который научил тебя, как здесь ходить по-человечески, когда ты был грязным, неуклюжим, плаксивым новобранцем. А теперь ты – Стэнли Орзирис.

Орзирис молчал с минуту. Потом он расстегнул пояс, тяжелый от значков полдюжины полков, с которыми приходилось сражаться его полку, и подал его Мельванею.

– Ты не раз стегал меня, Мельваней, – сказал он. – Теперь можешь, если хочешь, хоть надвое разрубить меня вот этим.

Мельваней обратился ко мне:

– Позвольте мне переговорить с ним, сэр.

Я ушел и дорогой много думал об Орзирисе, и в частности о моем друге Томми Аткинсе, которого я очень люблю.

Но прийти к какому-либо выводу мне не удалось.

и помочь ему дезертировать.

Едва наступила темнота, я с тяжелым сердцем начал седлать лошадь, и тут вдруг до нас донеслись дикие вопли с реки.

Злые духи оставили рядового Стэнли Ортериса, № 22639, из роты «Б». Их, как я и надеялся, изгнали одиночество, темнота и ожидание. Мы пустились бегом и увидели, как он в панике мечется в траве – без сюртука (без моего сюртука, разумеется). Он, как помешанный, выкрикивал наши имена.

Когда мы подбежали к нему, он обливался потом и дрожал, как испуганная лошадь. С превеликим трудом нам удалось его успокоить. Он ныл, что на нем гражданское платье, и хотел немедленно содрать его с себя. Я велел ему раздеться, и мы в одно мгновение вторично поменялись одеждой.

Шорох собственной пропотевшей рубахи и скрип сапог, казалось, привели его в себя. Он прижал ладони к глазам и сказал:

– Что на меня нашло? Я не спятил, солнцем меня не хватило, а вел себя невесть как, и нес невесть что, и натворил... Что я такое натворил?

– Что натворил? – повторил Малвени. – Опозорил себя, хоть это еще полбеда, но ты еще роту «Б» опозорил, а что хуже всего – опозорил меня! А ведь не кто, как я, учил тебя быть солдатом, когда ты был еще дрянным, плаксивым, неуклюжим новобранцем. Да ты и сейчас не лучше, Стэнли Ортерис!

Ортерис смолчал. Потом расстегнул тяжелый пояс, утыканный значками полдюжины полков, над которыми одержал победу его собственный полк, и

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/parallelak.html>

over Ortheris in particular, and my friend Private Thomas Atkins, whom I love, in general.

But I could not come to any conclusion of any kind whatever.

протянул Малвени.

– Драться я с тобой не могу, Малвени, рост не позволяет, – сказал он, – да и все равно ты меня поколотишь. Вот, держи ремень, – можешь разругать меня пополам, если хочешь.

Малвени обернулся ко мне.

– Оставьте нас одних, сэр, нам надо с ним потолковать.

Я оставил их и по дороге домой раздумывал об Ортерисе и о моем приятеле, которого я люблю, рядовом Томми Аткинсе вообще.

Но так ни до чего и не додумался.